Мецавита:

Мой потерянный Марс

Ирина Алымова

Ирина Алымова

Мецавита: мой потерянный Марс

«ВЕБКНИГА»
2026

Алымова И. Ю.

Мецавита: мой потерянный Марс / И. Ю. Алымова — «ВЕБКНИГА», 2026

ISBN 978-5-9791-0514-7

Восходящая юная звезда рекламного агентства Маргарита попадает в аварию и… ее душа оказывается на Древнем Марсе. Чтобы вернуться в земное тело, девушка должна сыграть загадочную роль в судьбе юной марсианки Лэйф, которая мечтает стать толковательницей языка древних рек и вырвать у жизни право на взаимную любовь. Только вот на ее пути встают опасные противники: старейшины и вожди, смертоносный Царь лесов, стремительное течение бездонного Лабиринта, женщина-змея с даром ворожбы. Да и сама планета скрывает горькую тайну, не разгадав которую все жители будут обречены… Ирина Алымова – автор более двадцати книг с общим тиражом 150 000 экземпляров. Победитель конкурса историй про колонизацию Дальнего Космоса издательства «Wizart Comics», конкурса мистических рассказов «Маяк» издательства «Вече», финалист Волошинского фестиваля, конкурса фантастики «Кубок Рея Брэдбери».

ISBN 978-5-9791-0514-7

© Алымова И. Ю., 2026
© ВЕБКНИГА, 2026

Содержание

I. Земля. Маргарита 6
II. Мецавита. Миссия 11
III. Зов предназначения 13
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Ирина Алымова
Мецавита: Мой потерянный Марс

В соответствии с Федеральным законом № 436–ФЗ от 29 декабря 2010 года маркируется знаком ***12+***

© И. Алымова, текст, 2026

Голос

«Никто и ничто не исчезает навсегда. Мелодия зазвучит Иначе. А Стебель обретет опору. Душа всегда отыщет душу. Так рассказала Мецавита».

I. Земля. Маргарита

Разве так бывает с человеческим телом?

Но это происходит. С моим телом. Прямо сейчас.

Мне не столько больно, сколько тошнит. Как от морской болезни.

Ткани моего тела дрожали, истончались, распадались.

Меня перевернуло из горизонтали в вертикаль. Прилепило к пространству вверх ногами.

Обездвиженная, я висела и чувствовала аннигиляцию[1] тела. А потом наступило изменение. Возрождение.

Плотная прозрачная темница стала терять молочную гомогенность[2]. Я вновь смогла угадывать очертания наружного мира, а мышцы на спине ощутили новый зуд, желание, потребность.

Кокон треснул возле головы. Я снова услышала Голос. Сейчас он говорил другое.

«Теперь старайся! Старайся изо всех сил! Иначе кокон затвердеет, и ты погибнешь!»

Моя новая спина отреагировала быстрее головы. Влажные, слабые, тонкие крылья стали распрямляться и расти, бороться с тугим объятием кокона.

Мы едины. Голова и крылья. Наверное, это как второе рождение. Ведь ребенок тоже появляется на свет, помогая матери?

Усталая, но счастливая. Истощенная, но сильная. Новая. Свободная.

Я зацепилась лапками за край каменеющего кокона, распрямила зудящие от нетерпения крылья, чтобы впервые…

Босса-нова распорола утро, веткой молнии прошила комнату, огненным шаром ударила в кокон моего сна. Резким движением я поднялась и села на кровати. Руки сами потянулись к лопаткам: нет, крыльев не было. Я проспала восемь часов, а чувствовала себя как после изнурительного похода летом. Во рту было сухо, и я снова отчетливо ощутила жажду: ту самую, когда выбиралась из кокона, борясь с ним слабыми крыльями. Потянулась к тумбочке, подхватила стакан и жадно, не обращая внимания на струйку воды, стекавшую на пижаму, припала к живительной влаге. Стакан был полным: значит, я крепко спала всю ночь, не просыпаясь, чтобы сделать глоток.

Утолив жажду, я вернулась в реальность. Я здесь. Я Рита. Я человек. Я просто увидела яркий сон. Стакан вернулся на деревянную поверхность тумбочки с ободком отметины от постоянного давления стекла: словно неполная луна на ночном небе, незамкнутый круг притягивал мой взгляд – как и тяжелое дно высокого стакана. Я подхватила с тумбочки любимый браслет: восемь камушков, восемь планет Солнечной системы. Меркурий, Венера, Земля, Марс – ну и так далее. Покрутила пальцами янтарную бусину Марса терракотового оттенка, вспоминая отголоски яркого сна, которые каждая секунда бодрствования стирала из головы как волна, слизывающая рисунок на морском песке.

Но все, правда, пора! Кофе сам себя не сварит, мейкап не нарисуется без моего участия, а работа уж точно не сделается самостоятельно! Да и портал из окраины города в деловой центр пока не изобрели. А жаль!

Кофе, омлет. Черный и желтый. Яркий, почти красный желток. Вязкая паутина колготок, чуть игривое настроение нестрогого офисного платья. Классно, что в нашем рекламном агентстве допустим творческий подход к внешнему виду – уместный, конечно. Пока наносила дневной макияж, волосы стягивал тугой узел на макушке: как распущу, распадутся легкими кокет-

---

[1] Аннигиляция – реакция превращения частицы и античастицы при их столкновении в какие-либо иные частицы, отличные от исходных.

[2] Гомогенность – однородность по составу, свойствам и происхождению.

ливыми волнами, приглашая взгляд скользить, плыть, спускаться по ним на лодке интереса. Идеально для встречи с новым клиентом, который ищет рекламного подрядчика! Влюблю в себя за первые минуты обсуждения! Я же Рита-Маргарита, восходящая юная звезда рекламного агентства!

Привычный гул метро плотным ластиком стер ощущения из сна. Уже думая только о сегодняшней презентации, я поднималась на эскалаторе. Когда моя ступенька сложилась о зубчатый предел, я уже успела повторить начало выступления и даже потренировать мимику. Подъем наверх на этой станции был долгим, а спина пассажира на ступеньку выше скрывала мою репетицию от любопытных глаз встречного потока.

О, «моя» бабушка на месте! Снова продает букетики осенних цветов. Темно-красные астры напоминают по цвету спелую вишню – я невольно облизнула губы и выбрала именно эти цветы.

– Спасибо, деточка, – бабулька широко улыбнулась, прикоснулась к моей руке и вытащила букетик из ведерка. – Каждую неделю выручаешь!

– Просто у вас лучшие цветы в Москве! – подмигнула я и вытащила несколько купюр. Специально снимаю с карты и держу для таких случаев.

– Спасибо, моя красавица! – расцвела продавщица, заправляя выбившиеся седые прядки под объемный темно-синий платок в красный горошек. – Такая молодая и такая добрая!

– Все нормально! – я приобняла бабушку. – Раз в неделю могу себе позволить быть доброй, ах-ха!

Женщина покачала головой:

– Не отрываешь от себя, хватает на жизнь-то?

– Не переживайте, бабушка! Если бы не хватало, я бы не покупала!

– Работаешь?

– Ну конечно!

– А учеба?

– И учусь! Просто на вечернем. Все окей, ну правда, чего вы вдруг спросили?

Старушка все качала головой.

– Как на любовном фронте?

Я неопределенно пожала плечами. Продавщица сочувственно поджала губы.

– Завтра забеги, я пирожков тебе из дома принесу!

Я рассмеялась и снова обняла бабулю:

– Спасибо, забегу!

Выходя из метро, я улыбалась. Вроде бы человеку помогла, а хорошо мне! Щурясь довольной кошкой, я пробежала, почти пролетела двести метров от метро и протянула руку, чтобы открыть дверь в бизнес-центр.

Но меня опередили. Мужская рука обхватила хромированное ухо двери, и через секунду вход в здание был открыт.

– Привет!

– Привет.

Ого. Это он. Денис.

– Рит, снова мы с тобой одновременно, – парень улыбнулся теплыми карими глазами.

– Да уж, – я залюбовалась медленными водоворотами в молочном шоколаде радужек собеседника, – почти мистика.

– А может, и что-то другое, – Денис отвел за ухо прядь моих волос. Жидкая медь послушно поддалась, словно волна морскому дыханию. Глаза парня стали серьезными.

– Другое? – по-дурацки застыла я, и вместо шума и гудков широкой улицы услышала звук прибоя.

– Рита, мне кажется, мы не зря с тобой везде… – начал Денис, и мое сердце замерло и снова забилось, так быстро-быстро-быстро. Я словно оказалась в сильном течении, которое подхватило и повлекло меня к острову, на котором меня ждал…

– Так, и чего тормозим? – раздался насмешливый голос. – Привет, красавица! Идем?

На мое плечо уверенно легла рука. Быстрым волевым усилием вытянула мою лодку из течения и вернула в реальность. Направила к лифту.

Я успела лишь обернуться. Теплые медовые глаза смотрели мне вслед. Только вот свет маяка на «том» острове стал тускнеть, а шоколадные водовороты стали неразличимы.

– Марго, да что с тобой! – развернул меня к себе Артур. – Эй, ты в порядке?

– Да, конечно, все ок! – я пожала плечами. – Просто кофе бы выпить…

– Поднимемся, и сам тебе сделаю!

В лифте мы оказались с Артуром наедине. Шагнув ко мне и оказавшись совсем вплотную, парень улыбнулся, приблизил свои губы к моим и вдруг резко отвел лицо вбок, едва коснувшись шеи.

– Вкусно пахнешь, Марго, – теплый шепот защекотал ухо. – Впрочем, как всегда.

Я замерла.

– Так как, – отпрянул Артур и подмигнул мне, – когда новое свидание? Кино, прогулка, театр, ресторан? С меня цветы, и уж поверь, намного лучше этих!

Артур выразительно покосился на букетик астр в моей руке. И снова впился взглядом в мое лицо. Зеленые глаза с длинными ресницами смотрели уверенно, даже дерзко.

И когда Артур решил, что между нами все решено, что мы вместе? Когда мне было неловко отказывать настойчивому коллеге в первой прогулке? Когда я согласилась на встречу снова? Когда ответила на поцелуй, пытаясь найти в этом ощущении ответ для самой себя? Но ведь все это не значит, что я уже выбрала, правда же, нет? Эй, ау, Маргарита, очнись! В какой омут тебя затягивает?

Пока я выходила из ступора и пыталась сформулировать достойный ответ, лифт поднялся на наш этаж. Словно защищаясь от неловкого положения, в котором оказалась незаметно для самой себя, я выставила перед собой вишнево-красные цветы и бочком, не поворачиваясь к Артуру спиной, вышла из лифта.

– Ну, актриса! – ничуть не растерявшись, хохотнул парень. – Кофе с меня, я не забыл!

– Да, спасибо! – уже увереннее ответила я. Мы шагнули в офисную реальность, в которой наши роли были определены и понятны. Кстати, со своей ролью я справилась сегодня на все сто – презентация прошла мегакруто! Может быть, мне даже помогли утренние астры – я видела их красное облако в вазе на столе ресепшн через стеклянные стены переговорной комнаты и чувствовала себя сильнее! Представитель маркетингового отдела крупного заказчика буквально загорелся нашей концепцией рекламной кампании – а мой начальник получил согласие на проработку договора.

– Так, наша бесценная студентка, – пожал мне руку наставник в агентстве, когда мы проводили окрыленного клиента, – что же будет, когда ты закончишь университет? Так и знай, мы тебя никуда не отпустим!

– Спасибо, Виктор Сергеевич! Я стараюсь!

– Молодец, Маргарита, так держать!

Сегодня довольный начальник отпустил меня пораньше – отдохнуть и спокойно попить кофе перед универом. Предвкушая несколько беззаботных часов, я решила не ждать лифта, а пробежаться вниз по лестнице. По-детски ускоряясь, придерживаясь руками за прозрачные перила и заглядывая на поворотах в бездну закручивающихся в спираль нижних этажей, я почти впечаталась в… Дениса.

– Рита, а я знал, что мы сегодня снова встретимся.

– Ммм, – промямлила я, снова услышав несуществующий морской прибой и наверняка глупо улыбаясь.

– Есть время выпить кофе и пройтись? – карие глаза улыбались в ответ.

И я, наконец, решилась.

– Да! Время есть!

Мы спускались не спеша, не держась за руки, но иногда касаясь друг друга плечами, и время от времени синхронно поворачиваясь, чтобы взглянуть друг на друга. К морскому прибою добавился глухой и глубокий звук барабанов на далеком необитаемом острове. Денис. Так, значит, «это» – Денис?

Когда мы почти дошли до выхода из бизнес-центра, на мое плечо снова легла рука.

Другая рука, уверенная в своем праве.

– Эй, красавица, я тоже отпросился пораньше! Еле догнал тебя! – Артур развернул меня к себе. – Должны же мы отпраздновать твой сегодняшний успех! Уже весь офис гудит!

– Артур, я не знаю… – я осторожно повела плечом, чтобы, не обижая парня, освободиться от его руки.

– Подожди, – театрально удивился он. – У нас же были планы на свидание!

Что? Планы на свидание? Но я ведь не обещала никакого свидания?

– О, так у вас уже планы, – понимающе кивнул Денис. Маяк в его глазах снова погас. – Тогда не буду мешать!

– Денис…

– Все окей, Рита. Обсудим дела завтра. – Денис выделил голосом «дела», чтобы не ставить меня в неловкое положение перед Артуром.

– Бывай, приятель, бывай! – сощурились зеленые глаза Артура, хотя его рука пожимала руку Дениса.

Артур подхватил меня под руку и повлек к выходу. В предвечернем воздухе отчетливо пахло осенью, острым, свежим и терпким, к которому примешивались запахи бензина и сигарет. В конце сентября в это время уже работали уличные фонари, словно подсвечивая золото созревшей осени: смотри, человек, смотри, время так быстротечно, и даже золото однажды станет темным перегноем вечности.

– Так, ну что, ловим такси, и отмечать! – я вздрогнула, совсем забыв, где и с кем сейчас нахожусь. Мы стояли у края проезжей части, одной рукой Артур давал знак подъезжающему такси, второй приобнимал меня за плечи.

Желтая машина с черной полоской «шашечек» плавно остановилась рядом с нами. Артур приоткрыл заднюю дверь. И тут у него зазвонил телефон.

– Вот черт! Извини, надо ответить!

– Да, конечно, все ок.

Артур ответил на звонок, и его лицо скривилось, как от кислого апельсина, обманчивый насыщенный цвет которого обещал сочную сладость.

– Что? Прямо сейчас? Уже готовы обсудить? Подпишут сразу? Да, иду! Конечно, иду! Пять минут!

Артур скинул звонок и развел руками:

– Марго, ну… все слышала, сама понимаешь! Слушай, давай сделаем так. Раз такси уже здесь, и ты свободна, лети в «Парус»! Выберешь столик, закажешь коктейль, а я подъеду, как освобожусь! Значит, окей, да?

Не дождавшись ответа, Артур снова убрал мне за ухо прядку моих волос и с кивком, без слов сказавшим: «Вот и договорились!», развернулся и поспешил в здание.

– Так что, поедем или как? – напомнил о себе водитель.

Я снова оглянулась. Вдруг Денис еще никуда не ушел. Вдруг он ждет рядом – и у меня будет возможность объяснить неловкую ситуацию, рассказать, что никакого свидания я Артуру

не обещала, снова прикоснуться к Денису, чтобы проверить, звучит ли морской прибой, отбивают ли ритм далекие барабаны…

Увы, Дениса не было. Боже, что он обо мне сейчас думает!

От стыда хотелось обхватить лицо ладонями и спрятаться, полностью утонуть в них. Но я села в такси и захлопнула дверь.

– В «Парус», пожалуйста!

Москва уже сгущалась, уплотнялась на дорогах, замедлялась на отмелях-пробках, старалась набрать ход на «зеленых» участках, но знала: совсем чуть-чуть, еще какие-то полтора-два часа, и дороги почти парализует, сделав течение города относительно свободным лишь на тротуарах и под землей.

– А вы уже видели Марс, девушка? – немолодой водитель коротко обернулся, приглашая к разговору.

– Что? Марс? – не поняла я и автоматически нашла глазами терракотовый янтарный шарик на браслете. Коснулась «Марса» пальцем.

– Да-да! Так, значит, не видели? Вы что! Надо посмотреть! Это называется «Великим противостоянием планет». И бывает примерно раз в пятнадцать лет! Круто, правда?

– Ого! Классно! А вы астрономией увлекаетесь?

– Я? – неожиданно громко рассмеялся таксист. – Да не! Просто по всем радиоканалам об этом твердят! Да и пассажиры некоторые тоже.

– Ммм… – неопределенно протянула я. И почесала запястье под янтарем. Мне показалось, что терракотовая бусина стала нагреваться.

– Да сейчас, сейчас! Я найду какую-нибудь станцию! Сами послушаете!

Водитель принялся переключать кнопки на магнитоле.

– Не стоит. Мне и так хорошо. Вы лучше за дорогой следите!

– Да минутное дело! Сейчас!

В машине зазвучали обрезки голосов, музыки, рекламных сообщений.

– Пожалуйста, следите за дорогой! А-а! Смотрите! А-а-а!

Со второстепенной улицы на главную ворвалась спортивная машина. Словно не замечая других участников движения, на высокой скорости черный гонщик стал «вышивать» траекторию на шоссе. Водители экстренно тормозили, кто-то выкручивал руль. А мой таксист полностью сконцентрировался на поиске нужной радиопередачи, придерживая руль левой рукой.

– Смотрите за дорогой! А-а-а-а-а!

Наконец, водитель очнулся и схватился за руль обеими руками. Но было поздно. Спортивная машина, самонадеянно уверовав в то, что и в этот раз ей уступят дорогу, летела прямо в бок моего такси!

II. Мецавита. Миссия

Вспышка ярких фар. Удар. Мир перевернулся, закрутил, понес меня куда-то вбок, то приподнимая, то ударяя об асфальт. Кажется, я кричала. Но вскоре даже крик поглотил кокон. Плотный темный кокон. Он сжал меня со всех сторон, стало больно.

Я потеряла себя.

И тут снова услышала тот Голос.

«Теперь старайся! Старайся изо всех сил! Иначе кокон затвердеет, и ты погибнешь!»

Мне было плохо. Мне было больно. Меня тошнило. Как в ночном сне.

Но Голос не отставал.

И тогда я послушалась его. И стала стараться, сражаться с коконом всем телом. Чтобы выбраться из него до того, как совсем нечем станет дышать.

Я выбралась.

Но, боже, где я?

Словно скомканный лист бумаги, я лежала на полу. Гладкая крупная белая галька была идеально прилажена друг к другу, словно была спаяна в единое фактурное полотно. Я набрала воздуха в легкие и постаралась выдохнуть его, «направляя» в те мятые уголки, где, как я помнила, находились мои лопатки. Кажется, получилось – я ощутила спину, вспомнила ее границы, смогла дать сигнал распрямиться. С каждым вдохом и выдохом я направляла воздух в мятые невесомые углы, возвращая им свойства локтей, колен, пальцев, плеч.

«Вставай!»

Я почувствовала себя фигуркой оригами, которую сама же и сложила по воспоминаниям о той, которой была. Наконец, я смогла встать и распрямиться. Бумажный фонарик сердца наполнился воздухом.

«Теперь смотри»

Я находилась в помещении, похожем на башню. Пространство вокруг меня заворачивалось, образуя круг. Галечно-белый пол переходил в стены, выложенные светлым «молочным» ракушечником. Через окна в башне я видела то, что находится за ее пределами. Терракотовый пейзаж мне что-то напоминал, но мысли катались по гудящей голове, словно шары перекати-поля. Наконец, один шар остановился, пустил корни. И мое бумажное сердце забилось.

Долго, до края горизонта, простиралась безжизненная поверхность красновато-ржавого цвета. Справа угадывались контуры гор, слева я различила огромную яму. Кроме пыльного ветра, жизни в ландшафте не было.

«Что это?» – снова прозвучал голос.

Пустыня?

Высохшее море?

Голос молчал.

Еще одно перекати-поле пустило корни в моей голове – и от догадки в бумажном горле стало совсем сухо.

Это мертвая Земля?

«И так, и нет. Старайся, ты знаешь!»

Я старалась. Приманивала шары перекати-поле, растила их корни и собирала мысли воедино. Наконец, я поймала образ.

Ржаво-красная поверхность, без признаков жизни, а огромные ямы – это ударные кратеры. И янтарь, который жег мне руку перед столкновением с гонщиком на дороге. Слова, которые сказал водитель.

Это Марс. А я умерла.

Голос, в котором, кажется, проявились сочувствующие нотки, ответил через секунду.

«Это Марс. То есть Мецавита. А ты еще не умерла»

Что такое Мецавита?

«Это известный тебе Марс, но 4 миллиарда лет назад. Мы называли его Мецавита, “жизнь между”»

Но как это возможно?

«Великое противостояние Марса и Земли. Помнишь?»

О, конечно, я помню! С этой фразы таксиста начался путь к моему концу.

«Нет, это не конец»

Зачем я здесь? Как мне вернуться домой? Я буду жить?

«Ты будешь жить. Ты здесь, чтобы исправить то, что было разрушено когда-то. Однажды и навсегда. Если ты поймешь и справишься, ты вернешься домой»

А если я не справлюсь?

«Ты должна. Постарайся»

Мне захотелось плакать, но слез не было. Я поймала ощущение, что и мои слезы впитала жадная до влаги воспаленная планета.

«Мецавита не всегда была такой»

А какой?

«Ты увидишь»

Скажи, что мне делать?

«Я отправлю тебя в прошлое, на четыре миллиарда лет назад. В то время, когда Мецавита была планетой рек и озер».

Чтоооо? Марс – планета рек и озер?!

«Ты увидишь. Ты станешь невидимым свидетелем всех событий. И надеждой для многих».

Бумажное сердце внутри меня сжалось. Я – надежда многих?

«Пройди этот путь. Смотри, слушай, чувствуй. Ты поймешь наш язык. Запоминай детали. Ищи причину несчастья. Я буду рядом. Ты готова?»

А что, у меня есть выбор?

Обладатель голоса вздохнул.

«Значит, готова. Вперед!»

Перед моими глазами замелькало, зарябило. Время понеслось вспять.

Я не выношу аттракционы, где меня на бешеной скорости гоняет по кругу!

Я постаралась прикрыть свои бумажные глаза. Меня мутило.

И в то же время мне становилось… легче.

Вдруг вспомнила недавний ролик в соцсетях. Спасатели нашли большую старую черепаху, которая почти не двигалась в морском приливе. Из нее высосали почти всю жизнь колонии ракушек, расплодившиеся по всему черепашьему телу. Ветеринары стали снимать паразитов с помощью специальных ножей – и с каждой снятой ракушкой в глаза долгожительницы морей возвращалась жизнь. Черепаха освобождалась от придавившей ее тяжести чужих колоний, жизней и поколений – и свободная, легкая, сильная уплыла в море в конце ролика.

Странно, но я чувствовала себя немного такой черепахой. С каждой секундой с меня, уже бывшую «бумажным облаком», словно снимали тяжелую ношу, ороговевший лишний слой, немои страхи и желания. Возможно, я теряла даже свою «бумажную» сущность. Меня это пугало. Я превращалась в невесомость, в туман, в блик на поверхности моря. Смогу ли уплотнить, собрать себя из почти не существующих частиц, чтобы вернуться на Землю?

Ощущая движение времени даже с закрытыми глазами, я не торопилась вновь всмотреться в Марс. А когда почувствовала, что мир перестал пестрым сумасшедшим калейдоскопом вращаться вокруг моей ракушечной башни, я подняла голову. И открыла глаза.

Так вот ты какая, планета Мецавита!

III. Зов предназначения

Широкая река с белым дном и прозрачной, отливающей голубым, водой, спешила к высокой горе на горизонте. Рыбы с искрящимися телами и плавниками, каждый из которых был вдвое длиннее рыбьего тела, то высовывали из реки свои перламутровые рты, чтобы подхватить зазевавшуюся изумрудную мошку, то ныряли глубже, отхватывая кусочек от недовольно верещащих водорослей, то вспоминали о главном – и помогали течению нести свои прохладные гибкие тела дальше. Не замедляя бег, сильная река успевала отпустить одну из десятка рук ближе к берегу, чтобы обогнуть, погладить, приобнять большой молочно-белый камень в обрамлении кудрявой водяной пены, похожий на драгоценную сердцевинку в перстне великана. Великана, потерявшего свое сокровище много-много лет назад. Как в старых сказках, которые любила Лэйф.

Лэйф точно знала, что когда-то по Мецавите и правда гуляли могучие великаны, а их долгие густые волосы оставляли борозды-каньоны на поверхности планеты. Мужья-великаны взбивали густую пену, чтобы обрить надоевшие бороды, которые цеплялись за выступы гор и, путая курчавые густые волосы, подхватывали птичьи гнезда. Остатки той пены и по сей день можно было разглядеть в том месте, где три сестры, три потухших вулкана, старались подняться выше неба, да все еще боролись с непробиваемым небесным зеркалом.

Эту историю Лейф поведала сама река. Это было «много воды тому назад, когда спутницы Мецавиты – Этернита и Реинкарна – только пробовали свои силы, и то притягивали Великую воду сверх нужды, выгибая прозрачную одежду Мецавиты горбами, почти касавшимися облаков, то отдыхали, давая покой и океану».

«Люди приходили и уходили, сделав выбор. Люди оставляли меня. И это было правильно». Так пела вода Мецавиты.

«Тогда я не хочу, не стану оставлять тебя!» – неслышно восклицала девочка. А река ласково смеялась, поднимая голубоватую ладонь, чтобы коснуться колен Лэйф. Вода утешала: «Все хорошо, дитя, память о тебе навсегда со мной. Остаться на Мецавите нельзя – тебе предстоит сделать главный выбор и однажды уйти».

«Главный выбор?»

«Конечно. Твой главный выбор. Найти того человека, который тебе предназначен. Чтобы не потерять его в любых перерождениях. В любых мирах и океанах времени оказываться рядом со своим суженым».

«Не хочу никакого суженого!» – кривилась Лэйф. Почти сердито она нанизывала на мерцающую нитку белые и синие ракушки из реки.

«Это маме!» – на всякий случай пояснила девочка реке. – «А никакому не дурацкому суженому!»

Река снова смеялась и убегала к высокой горе, самой ближней из трех сестер.

«Хорошего дня!» – махала ей вслед Лэйф. Зная, что в любой момент, лишь девочке захочется, душа реки вновь окажется рядом и ответит на ее вопросы.

Завязав нитку узелком, Лэйф на время надела на себя ракушечное ожерелье. Голубоватой коже очень шли белые подводные камни, а синие ракушки чуть высветляли тон кожи, споря с белыми соседками. Лэйф покрасовалась, вглядываясь в отражение, потом стала серьезной и провела мокрым пальцем по темно-синим линиям, скользившим от внутреннего края глаз к впадинкам под скулами и спешащими от бровей через высокий лоб к белым волосам. Линии судьбы, подаренные Мецавитой, продолжались и под копной волос, но читать их не следовало никому. Есть то, что принадлежит только конкретному человеку. Когда Лэйф была совсем маленькой, она срезала волосы маминым садовыми ножницами и попросила подружку добрить ей «черепушку», рассказать о рисунках на голове. Но мама вовремя вернулась домой

и, очень рассердившись, отобрала инструменты и замотала Лэйф в струящийся платок на заговоренной застежке. Хочешь-не хочешь, а снять такой платок может только мама. Девочка очень сердилась, но мама весь вечер лечила ее упрямство своими песнями, и Лэйф успокоилась. Волосы давно отросли, поэтому сейчас их не сдерживает никакой платок. Девочка подхватила прядь и закрутила ее пальцем в спиральку. Река тут же приняла участие в игре – и завила воду в несколько маленьких водоворотов рядом с белым камнем.

«Ты всегда везде. И всегда рядом» – улыбнулась реке Лэйф.

«Ни о чем не забыла?» – подмигнула девочке река.

«Точно!» – Лэйф хлопнула себя по лбу рукой. – «Сегодня моя очередь растить ужин!»

«Беги!» – пощекотала-поторопила босую ногу девочки вода.

– Бегу! – крикнула Лэйф уже в голос. Весело и сильно хлопая по отмели быстрыми ногами, девочка одевала реку в тысячу драгоценных камней – взлетающих вверх по изогнутым траекториям капель.

Уже достигнув теплого песка, Лэйф заметила малька, попавшего в ловушку по глупости и из любопытности. Высоко выпрыгнув из реки, рыбка оказалась в лужице воды посреди суши и, как ни билась, не осилила обратный прыжок. По серебряному тельцу уже совсем медленно бежали сиреневые точки. Значит, малек давно борется с пленом и скоро может погибнуть!

Лэйф успокоила рыбку, не размыкая губ, и, бережно подхватив серебристого храбреца ковшиком ладоней вместе с водой, перенесла его в объятия мамы-реки.

– Плыви, дурачишка! – крикнула Лэйф вслух. Пару мгновений спустя серебристое тельце с яркой сиреневой пульсацией отсалютовало спасительнице хвостом уже из надежной глубины.

– И тебе хорошего дня! – засмеялась Лэйф. И ту же вспомнила:

– Ужин, ужин, ужин!

Не надевая босоножек из лиан неразрывного дерева, девочка припустила бежать по протоптанной тропинке среди плотно друг к другу выросших звездных цветов. Дома не любили, когда кто-то пропускает свою очередь выполнять домашние обязанности. А чтобы вырастить ужин на всех, точно понадобится не меньше часа!

Торопливо пробегая мимо стройных белых домов из ракушечника, Лэйф ничуть не задерживалась, чтобы понять, в какую сторону сверкать синими пятками. Хоть дома и были похожи друг на друга, словно родственники, девочка знала город так хорошо, как и русло любимой реки. Лэйф родилась здесь и уже десять лет вглядывалась в дома, тропинки, парки и сады небольшой Квиоры. Папа и мама тоже родились здесь, и были уважаемыми квиорцами. Отец выращивал главные сады, а мама пела песню урожайных дождей. Лэйф гордилась родителями! Правда, к их огорчению, девочка больше времени возилась с раковинами и галькой у реки, чем с полезными растениями в семейном саду.

Сады в Квиоре разводили на земле и на балкончиках, построенных на манер птичьих гнезд над рекой. Юркие птички-дождемерки собирали домики для потомства, натаскивая песок, перышки, сухую траву, маленькие кусочки лопнувших ракушек – и надстраивали гнезда над отвесными скалами – там, где к птенцам не протянется лапа хитрых кошащеров. Дождемерки тоже слышали язык большой реки – Лэйф уже успела в этом убедиться. Иногда, не размыкая губ, девочка рассказывала птичкам, что и она немножко дождемерка, ведь выросла в высоком доме с балкончиком-гнездом.

«Нет, ты слишком большая, чтобы быть одной из нас» – возражали наивные птички. Но Лэйф на них не обижалась: каждое существо на Мецавите наделено той долей разума, способностей и удачи, которую для него определила добрая планета. Значит, так и должно быть.

Запыхавшись, Лэйф добежала до высокого белого здания. Уфф, вот и дом! Отодвинув текучие занавески, которые отделяли внутреннее пространство от улицы, девочка недолго постояла в ручье, протекавшем на пороге. Теперь ноги были чистыми – можно подниматься на «птичий» балкон!

– Маам! Паап?

Ура! Родители еще не вернулись с работы, значит, и сестричка пока доигрывала в детском садике. Можно все успеть!

Сегодня Лэйф не побежала вверх на личный балкон. Семейный ужин нужно было растить в саду у дома. Что бы приготовить сегодня? Лэйф постояла, наматывая прядь волос на палец, и выбор был сделан! Красная тыква-пюре, соевые фрикадельки – и зеленый салат. О, на десерт пусть будет суфле из медового молока! Точно, такой ужин должен понравиться и папе, и маме, и сестре, и, что не менее важно, самой Лэйф! Тогда начать надо с фрикаделек – они растут дольше всего!

Лэйф подошла к грядкам и, словно полочки в ящике стола, вытянула нужные уровни. Отсчитала семена в боковых коробочках, запустила в землю и полила. «Ну, растите-растите, Лэйф не подведите!». Пусть все вырастет вкусным! Пусть все будут довольны! Пусть мама снова расскажет вечером чудесные истории про Мецавиту!

* * *

Иногда Лэйф хотелось, чтобы мама, как в детстве, прилегла в ее кроватку! А иногда девочке нравилось чувствовать себя взрослой. Вечером мама убедилась, что водяные лилии хорошо укутали Лэйф, и проверила кровать: вода достаточно теплая. Присев на стул и баюкая на коленях малышку Зой, мама напевно рассказывала историю Мецавиты:

«Когда-то Мецавиты не было, поэтому люди терялись в новых перерождениях. Даже большое счастье омрачала грусть предстоящей разлуки. Сумев найти Своего человека, обретя радость и познав настоящую любовь, каждый прятал в дальнем уголке сердца боль: после этой жизни любящая душа может потеряться в вечности навсегда. Вселенная услышала молитвы людей и тогда…»

«И тогда, – горячо прошептала Лэйф, – Вселенная создала Мецавиту!»

«Верно, дорогая, – улыбнулась мама и вернула на место соскользнувшую с плеча Лэйф водяную лилию. – Когда Мецавита родилась, она уже все знала. И рассказала людям счастливую весть».

Лэйф улыбнулась и, дождавшись согласного кивка мамы, продолжила:

«Никто и ничто не исчезает навсегда. Мелодия зазвучит Иначе. А Стебель обретет опору. Душа всегда отыщет душу. Так рассказала Мецавита».

«Так и было, дорогая. Так и было. С тех пор тем, кому удалось найти настоящую родственную душу на Мецавите, можно было стереть из сердца печаль – любящим душам было суждено встречаться в новых рождениях. Вновь и вновь»

«В разных мирах и эпохах» – торжественно закончила Лэйф.

Мама снова улыбнулась.

– Уже думаешь о своей родственной душе, дорогая?

– Ну уж нет! – возмутилась девочка. И лилии заколыхались на водяной кровати.

Мама тихо смеялась.

– Это я о вас с папой думаю! – словно взрослый ребенку, объяснила маме Лэйф. – Вы же точно родственные души, правда, мам?

– Конечно, милая! Я уверена, так и есть! Я очень люблю твоего папу, а он меня.

– И вас тоже мы любим! – стараясь не разбудить Зой, мама чуть пощекотала пятку Лэйф, опустив руку в водяную кровать. – Ну, все, а теперь спать!

– Люблю тебя, мамочка!

– Люблю тебя, Лэйф!

– Всеми руками реки!

– И всей глубиной реки!

Уже засыпая, Лэйф услышала, как мама осторожно раздвигает текучую занавеску и уходит в комнату сестрички, чтобы уложить в водяную кровать Зой. Хорошо, что так хочется спать! Сегодня нужно выспаться, ведь завтра – снова в школу!

* * *

Когда в городе родилось и выросло столько детей, что старая школа из раковины древнего гигантского моллюска стала мала, Река пришла на помощь людям – и уступила небольшой лиман. Река позвала свою малютку-дочку, когда-то решившую пожить ближе к людям и преодолевшую большую полоску суши, образовав прозрачное озеро: пригласила вернуться домой и снова порезвиться в широких быстрых волнах. Дочка Реки послушалась, и людям осталось удивительно ровное, выглаженное старательной водой до прозрачного, гладкого, монолитного песка место. Опытные садовники, среди которых был и отец Лэйф и Зой, за несколько недель вырастили по окружности высохшего озера школу. Сильные растения уверенно тянулись к солнцу, переплетались, образуя стены и, словно сговорившись, синхронно расходились в стороны, образуя окна. Школа была выращена из спокойных, основательных и предсказуемых кустов, деревьев и трав – не цветущих ярким, жадным до жизни, цветом. Но Лэйф, как дочка великого садовода, знала маленький секрет – и время от времени помогала растениям на стене возле ее классного стола расцветать.

«Вспомни дочку Реки» – шептала Лэйф. И сильный, сочный зеленый стебель расцветал белыми цветами-раковинами. «Вспомни солнце с той стороны стены» – разрешала девочка. И желтая сердцевинка за минуту выросшего цвета начинала мягко сиять, выпуская лучики-лепестки.

Лэйф знала: в школе не стоит шалить, нельзя отвлекать детей от занятий. Даже Река не всегда веселится, гладит детям пятки, смеется пеной у большого камня или хвастается разноцветными мальками на своем запястье и шее. Есть время для учебы. И это время нельзя запускать листовым корабликом в период весеннего бега воды: утонет зря.

Лэйф уважала школу, сама мечтая стать учительницей. Учителем языка рек. Значит, нужно стараться на уроках! Ведь экзамен будут принимать самые великие знатоки водного языка. Девочка старалась хорошо учиться, и цветы выпускала из стен, послушных дочке великого садовника, только изредка. Обычно никто ничего не замечал. Но сегодня расцветающую раковницу заметил одноклассник.

Любуясь цветком втайне от всего класса, Лэйф почувствовала чей-то взгляд и обернулась. Ну во-от! На нее смотрел Нэлм. Сын главного вождя города, сурового Дзы, признающего только правила, осторожность и послушание – ну никак не хулиганские выходки! Теперь Нэлм, конечно же, сдаст девочку – и родителям придется извиняться перед учителем, школой и этим «проглотившим прямую палку» Дзы! Ой! А если теперь ее не допустят до сдачи экзамена? Оставят в школе, но не доверят пройти испытания на роль учителя языка рек?! Молодец, Лэйф, добултыхалась! Молодец!

Девочке нестерпимо захотелось заплакать. Даже кинуть ручку на пол. Закричать, сердясь и на себя, и на этого «сыщика» Нэлма, и на школьные порядки! Раковница начала увядать, но Лэйф потихоньку брала себя в руки. Она вспоминала слова мамы: «Милая, ты очень хорошая девочка, ты чудесное дитя, но твое упрямство и непослушание иногда берут над тобой верх – и могут привести к неприятным последствиям. Сдерживай эти качества, дорогая!». Лэйф проговорила слова мамы про себя и постепенно успокоилась.

Странно, Нэлм не звал учителя, не указывал на цветущую стену школы под партой Лэйф. Наоборот, в его глазах девочка прочла разочарование, грусть и беспокойство. Увидев, что Лэйф снова смотрит на него, Нэлм прошептал: «Жаль, что завяла». Ого! Ему понравились

цветы? Ха, что бы сказал его отец на эти «нежности»? Неужели Нэлм – свой человек? Одноволновый?

После школы Лэйф собиралась сбегать на реку Фьее – небольшую речушку, которая, изгибаясь, петляя, то ускоряясь, то замедляя бег – жила в долине между двух небольших гор. Фьее вела себя словно дикая лошадь, которая спасается от преследователей и пытается их обмануть. Изменением скорости бега, изгибами – или даже подныривая под большие камни, чтобы продолжить бег совсем в другую сторону, обманывая ожидания «охотников». Недаром в этой реке и жили лошади-светлячки. Создания, больше похожие на странных насекомых размером с маленькую птичку, чем на приручённых людьми лошадей, обычно сливались днем с каменистыми берегами Фьее – так, что их почти невозможно было разглядеть. А вот к ночи на их многочисленных жгутиках, усиках и отростках из лапок, спины и брюшек начинал лучиться свет. Даже глаза «лошади Фьее» сияли, как два живых подвижных огонька маленьких свечей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.